

Экспликация речевого портрета делинквента в жанрах экстремистского дискурса

А.Л. Дединкин

В статье показано, что моделирование речевого портрета делинквента возможно на основе текстов различных жанров. Указывается, что в рамках юрислингвистической парадигмы исследование жанрового репертуара экстремистского дискурса осуществляется с учётом тематики речевого произведения, референтной ситуации, прагмалингвистического и номинативного аспектов, специфических языковых средств и экспрессивности. На материале экспертной практики дана характеристика таких жанров, как интернет-комментарий, кричалка и интернет-мем.

Ключевые слова: юрислингвистика, речевой портрет, экстремистский дискурс, жанры речи.

The article shows that modeling the speech portrait of a delinquent is possible based on texts of various genres. It is indicated that within the framework of the legal linguistic paradigm, the study of the genre repertoire of extremist discourse is carried out taking into account the subject of the speech work, the reference situation, the pragmalinguistic and nominative aspects, specific linguistic means and expressivity. Based on the material of expert practice, the characteristics of such genres as Internet commentary, chant and Internet meme are given.

Keywords: legal linguistics, speech portrait, extremist discourse, genres of speech.

Понятие «речевой портрет» было введено в научный оборот советским языковедом М. Пановым [1]. Автором были исследованы фонетические особенности речи отдельных писателей и политиков, а также сделан вывод о том, что принадлежность субъекта к той или иной социальной группе формирует типичные черты его речевого поведения. Идея речевого портрета, предложенная М. Пановым, получила своё дальнейшее развитие в трудах отечественных и зарубежных лингвистов.

Отметим, что сегодня, кроме понятия «речевой портрет», в научной литературе используются такие терминологические единицы, как «лингвокультурный типаж», «коммуникативный портрет», «речевая характеристика», «речевой имидж», «идиостиль», «амплуа» и др. Обилие терминов и их дефиниций приводит, на наш взгляд, к некоторому терминологическому дисбалансу. В результате (зачастую необоснованно) одним понятием подменяется другое, являющееся его полным аналогом. В рамках юрислингвистики предлагаем использовать уже устоявшуюся в языкознании единицу «речевой портрет». Это связано, в том числе, и с тем, что в терминосистеме права достаточно давно закрепилось понятие «портрет преступника».

Речевой портрет делинквента (в нашем случае – экстремиста) представляет собой характеристику соответствующей языковой личности. Это своеобразный «фотоснимок», сделанный в конкретный момент и отражающий её коммуникативные особенности. Речевой портрет моделируется лингвистами, которые на основе анализа целого ряда конфликтогенных текстов разных жанров определяют речевые паттерны, отличительные языковые средства, а также коммуникативные намерения и стратегии экстремиста.

Исследование экстремистского дискурса в обязательном порядке предполагает идентификацию его жанров. Само понятие «речевой жанр» в научный оборот ввёл М. Бахтин. Под речевыми жанрами автор понимал «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [2, с. 242]. Вслед за М. Бахтиным исследованием жанров занимался целый ряд лингвистов. В современном языкознании достаточно устоявшимися являются следующие подходы к данной проблеме: общелингвистические, коммуникативно-деятельностный, лингвокультурологический, прагмалингвистический, когнитивный, психолингвистический и др.

Значительная часть работ в области жанроведения выполнена в рамках общелингвистической парадигмы. *Лексический* подход предполагает толкование семантики наименований жанров. Точного представления о жанрах дискурса эта парадигма не даёт, так как «...одним

именем могут обозначаться несколько жанров или их разновидностей и, напротив, один жанр может иметь ряд наименований» [3, с. 90]. *Стилистический* подход предполагает исследование композиционной структуры жанров, характера содержащейся информации и её эмоциональной окраски. В рамках данной парадигмы осуществляется соотношение речевых жанров с тем или иным функциональным стилем. Вместе с тем, уже доподлинно установлено, что на практике жанры способны менять стилевую принадлежность, а также отражать черты одновременно нескольких стилей. В рамках общелингвистических подходов жанр рассматривается как устойчивая структура, что не даёт возможности проследить эволюцию жанровых форм.

Когнитивный (модельный) подход в полной мере соответствует идеям М. Бахтина, который утверждал, что «мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как нам дан родной язык» [2, с. 257]. Таким образом, жанр дискурса – это особая модель высказывания, присутствующая в сознании языковой личности в виде фреймов, своеобразный «речевой стандарт», исходная форма существования речи. В свою очередь Т. ван Дейк писал: «Если люди формируют модели ситуаций, в которых они участвуют или о которых они читают, представляется вполне очевидным, что они строят и модели коммуникативных ситуаций, участниками которых они являются, порождая или воспринимая речь» [4, с. 70]. По мнению В. Дементьева [5], именно концепт жанровой модели соотносится с важнейшим аспектом дискурса – его цельностью. В рамках указанной парадигмы исследуется структура жанровых моделей, а также способы их воплощения в процессе коммуникации.

Сторонники *коммуникативно-деятельностного* подхода утверждают, что организация дискурса строится на основе единства коммуникативной и некоммуникативной деятельности людей. В итоге термин «жанр» используется для обозначения типа события, которое может проявляться как в речевой, так и в неречевой формах. Так, по мнению Д. Хаймса [6], такими событиями могут быть беседа, лекция, рассказ, шутка, приветствие и др. Коммуникативное событие включает в себя единую цель, одних и тех же участников, общие тему и правила взаимодействия. В. Гольдин [7] разграничивал коммуникативные события по структуре на простые (одножанровые) и сложные (включающие определённый жанровый набор). Автор полагал, что ключевой характеристикой коммуникативного события является его регулярность. С точки зрения О. Дубровской [8], можно говорить о коммуникативных событиях политической, экономической, правовой, религиозной, научной и иных сфер.

В рамках *прагмалингвистического* подхода жанры дискурса рассматриваются как вербальное средство организации социального взаимодействия. По мнению К. Долинина [9], понятие «жанра» нужно связывать не с коммуникативными событиями, которые могут быть реализованы в рамках одного высказывания (например, приветствия), а с дискурсом, для которого характерны тематическое единство и прагматическая завершенность. Указанная парадигма не противоречит когнитивному (модельному) подходу к понятию жанра. В соответствии с канонами того или иного жанра адресант выстраивает стандартную коммуникативную ситуацию, выполняя предсказуемую для слушающего или читающего роль. В результате адресат принимает заданные автором правила, соотносит своё поведение с предлагаемой моделью. Жанры дискурса, таким образом, являются стереотипами речевого поведения коммуникантов, образцами говорения и письма.

С точки зрения *психолингвистики* рассмотрение жанра осуществляется сквозь призму факторов адресанта и адресата. Так, К. Седов [10] полагал, что выбор жанровых стратегий определяется типом языковой личности адресата или индивидуальным стилем адресанта. Черты дискурсивного мышления коммуниканта определяют не только стратегию её речевого поведения, но и тактические приёмы, используемые в рамках коммуникации. К примеру, конфликтный тип языковой личности представлен двумя подтипами: агрессивным и манипуляторским.

Особого внимания заслуживает *лингвокультурологический* подход. К примеру, А. Вежбицкой [11] были исследованы жанры сквозь призму разработанной ею «теории семантических примитивов». Автором были предложены модели жанров как последовательности простых предложений, где отражены интенции и мотивы адресанта. Так, доминирующей иллокутивной целью в речевом жанре приказа является следующая: «Хочу, чтобы ты это сделал», а речевой жанр вопроса на языке примитивов выглядит следующим образом: «Хочу, чтоб ты представил себе, что я не знаю того, что знаешь ты, и что ты хочешь мне это сказать».

Говорю это, потому что хочу, чтобы ты мне это сказал». По мнению исследователя, нужно выделять жанры поддерживаемые данной культурой и не поддерживаемые ею. Указанное суждение исходит из того, что разным культурам свойственны разные коммуникативные модели.

Одним из самых дискуссионных в лингвистике является вопрос классификации жанров дискурса. Это связано, во-первых, с многообразием жанровых форм, а во-вторых, с нечёткостью их границ. По словам В. Дементьева, «до сих пор не существует общепринятой типологии ... в лучшем случае это списки речевых жанров, по возможности подробные» [12, с. 155].

Существует целый ряд классификаций речевых жанров, имеющих в своей основе различные критерии. Назовём наиболее значимые из них.

По *формам речи*, в пределах которых происходит их реализация, выделяются жанры устной и письменной коммуникации. С учётом *источника возникновения и сферы функционирования* выделяют первичные и вторичные жанры. Так, к первичным относятся естественно возникшие жанры, которые функционируют в практике бытового общения. Ко вторичным жанрам относят те, что возникли в условиях высокоорганизованной коммуникации и функционируют во всех сферах общения (медицинской, правовой, научной и т. д.). По *соотнесённости с функциональными стилями* выделяются жанры разговорного, официально-делового, художественного, публицистического, научного общения. По *степени структурной сложности* выделяют простые (одноактные, элементарные) и сложные (многоактные, комплексные) жанры. В соответствии с *целеустановкой* выделяют информативные (предоставление информации); императивные (призыв к действию); этикетные (извинения, благодарности и др.) и оценочные (выражение отношения автора к фактам действительности) жанры.

Рассмотренные подходы с точки зрения современной генристики не противоречат друг другу. Большинство позиций являются актуальными для оценки жанрового своеобразия любого типа дискурса.

В рамках *юрислингвистической парадигмы* исследование жанрового репертуара осуществляется с учётом *целого ряда значимых критериев*. Рассмотрим их на примере экстремистского дискурса:

- тематика (религиозная интолерантность, шовинизм, расизм, нацизм, социальная вражда, дискредитация государства и др.);
- референтная ситуация (значимые для автора события, являющиеся триггерными для экстремистских проявлений);
- прагмалингвистический аспект (использование императивных и манипулятивных стратегий коммуникативного воздействия);
- номинативный аспект (использование особых форм обращения к аудитории с целью привлечения единомышленников и сочувствующих);
- специфические языковые средства (инвективная лексика, отрицательная тональность речи, императивы, негативно-оценочные метафоры и др.);
- экспрессивность (эмоциональное напряжение, высокий уровень проявления деструктивной риторики).

Экстремистский дискурс находит выражение в самых разнообразных жанровых формах. Охарактеризуем наиболее значимые из них (интернет-комментарий и кричалка).

Посредством интернет-комментария на различного рода площадках выражается отношение пользователей к обсуждаемым событиям, формулируется их личное мнение, критикуются недостатки или высказывается поддержка сложившейся системы общественных отношений.

В рамках экстремистского дискурса интернет-комментарий имеет отрицательную модальную направленность и выполняет следующие функции:

- анализ представленного в посте материала (поддержка позиции автора либо её критика);
- оценка событий и их участников (выражение личного мнения по обсуждаемому вопросу);
- определение причин комментируемого события (выявление факторов, приведших к текущему состоянию дел);
- моделирование дальнейшего хода развития событий.

Интернет-комментарий экстремистского толка содержит семантику, в которой объединены денотат и коннотат, включающий эмоциональный и оценочный компоненты. Каждый коннотат в обязательном порядке имеет негативный эмоциональный «заряд». К примеру,

«...не мы, а пособники режима (денотат) во всём виноваты, они нас провоцировали, плюнули нам в лицо (коннотат)». При этом отрицательная оценочность может быть выражена как эксплицитно, так и имплицитно.

Исходя из экспертной практики, рассмотрим типы когнитивных моделей текстопорождения на примере интернет-комментария:

Вариант 1. Вербальный код текста-стимула дешифруется адресатом и выражается в комментарии посредством рефлексивов. При этом комментированию может подвергаться и отдельная позиция исходного текста, и отдельный его фрагмент, и текст в полном объёме.

Вариант 2. Вербальный код текста-стимула имеет в комментарии дискретные проявления в виде заимствованных единиц. В ходе комментирования происходит приращение смысла, его смещение или вовсе экспликация мнения комментатора.

Вариант 3. Вербальный код текста-стимула актуализирует имплицитные связи с полученным ранее семиотическим опытом реципиента. В результате происходит переработка сообщения, считывание внутренней формы текста, поиск аналогичных символически зафиксированных ситуаций.

Вариант 4. Невербальный код текста-стимула (например, карикатуры) в комментарии оценивается через вербальный код. В ходе комментирования даётся авторская интерпретация визуального фрагмента.

В экстремистском дискурсе используется такая разновидность мема, как демотиватор. В этом случае поликодовый материал размещается в чёрной рамке. Демотиваторы используются как агитационно-пропагандистское средство в целях распространения экстремистских идей, создаются с целью провокации адресата к обсуждению «злостных» тем, способствуют формированию негативных стереотипов о различных социальных группах, обеспечивают распространение фэйковой информации с целью манипуляции общественным мнением.

Назовём характерные черты демотиватора как жанра экстремистского дискурса:

- распространение в интернет-пространстве с огромной скоростью, массовое тиражирование среди пользователей;
- обладание простой и запоминающейся визуальной формой, способствующей эффективному восприятию информации;
- модификация отдельных компонентов в ходе адаптации базовых единиц под идеологические установки отдельных авторов;
- образование группы «родственных» единиц, объединённых общей интенцией и схожим оформлением;
- апеллирование к негативным чувствам людей, содействие разжиганию вражды или розни по тому или иному признаку;
- создание доступного для понимания продукта, ориентация на среднестатистического пользователя;
- снижение уровня «серьёзности» посредством юмористической подачи материала;
- использование полимодальной коммуникативной стратегии, позволяющей транслировать информацию посредством нескольких каналов;
- возникновение в качестве реакции на актуальные события общественной жизни, тренды, обусловленность конкретным социально-историческим контекстом.

Кричалка относится к аллогенным («порождённым извне») жанрам экстремистского дискурса. Этот жанр возник в рамках спортивной коммуникации (в первую очередь – в среде футбольных болельщиков), является одноактным по степени сложности и императивным по целеустановке. Экспертная практика позволяет выделить националистическую (к примеру, «Вера! Нация! Держава!») и нацистскую (к примеру, «Зига! Ой! Зага! Ой! Зигазага! Ой-Ой-Ой!») кричалки как наиболее частотные виды жанра.

Кричалка как жанр экстремистского дискурса выполняет три основные функции:

1. Консолидирующая. Кричалки исполняются коллективно, что содействует сплочению участников, укреплению их групповой идентичности (к примеру, «Единство нации – конец оккупации!»). Исключительно остро единение с группой ощущается перед лицом «врага». По мнению Д. Громова, «хорошо организованный и вооружённый большим репертуаром коллектив скандирующих может действовать в уличных условиях слажено и эффективно» [13, с. 26].

2. Деморализующая. Кричалки исполняются с целью запугать «врага» («Смерть хачам! Вперёд, Россия!»). Это делается в ходе массовых мероприятий и преимущественно в присутствии оппонентов. Противнику посредством кричалок доносится мысль о том, что «сопротивление бессмысленно», «падение неизбежно», «необходимо подчиниться».

3. Агональная. Эта функция напрямую связана со стратегией агрессии. Она проявляется в таких формах, как угроза и компрометация. Тактика угрозы заключается в обещании причинить оппоненту вред, а тактика компрометации выражает негативное отношение к «врагу» с целью его разоблачения.

Таким образом, кричалка как жанр экстремистского дискурса – это мощный инструмент, который может влиять на общественное мнение и поведение, особенно в условиях социальной нестабильности. Распространение кричалок способствует радикализации общественных настроений, особенно в молодёжной среде. Это связано с тем, что используются эмоционально «заряженные», простые и запоминающиеся фразы. Также сильное суггестивное воздействие на аудиторию имеют кричалки, где вербальный текст частично или полностью заменяется ритуальными действиями (звукоподражаниями, хлопками и т. д.). Кроме этого, кричалки имеют чёткую идеологическую направленность, отражающую групповые ценности и интересы.

В лингвистике интернет-мем определяется как речевой жанр, представляющий собой феномен массовой коммуникации. Для него характерны такие черты, как узнаваемость, коллективное авторство, возможность наполнения одной и той же формы новыми смыслами. Визуально мем выглядит следующим образом: рисунок и пояснительная надпись в квадратной рамке.

Материалы экстремистского содержания в любой жанровой форме, как правило, распространяются на различного рода медийных площадках, которыми выступают социальные сети, мессенджеры, специализированные блог-платформы и иные «новые медиа». Успешность воздействия на адресата определяется числом подписчиков и посещаемостью ресурса. Формат интернет-коммуникации, безусловно, усиливает воздействие на реципиента, создаёт эффект тесного взаимодействия с аудиторией.

Исследование подготовлено при поддержке гранта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Судебная лингвистическая экспертиза поликодовых текстов в аспекте оценки их деструктивного информационного воздействия» (№ Г24-008).

Литература

1. Панов, М. В. Русская фонетика / М. В. Панов. – М. : Просвещение, 1967. – 440 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
3. Шмелева, Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 88–99.
4. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 308 с.
5. Дементьев, В. В. Изучение речевых жанров : обзор работ в современной русистике / В. В. Дементьев // Вопросы языкознания. – 1997. – № 1. – С. 109–121.
6. Hymes, D. Sociolinguistics and the Ethnography of Speaking / D. Hymes // Social Anthropology and Language. – L., 1971. – P. 47–93.
7. Гольдин, В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи / В. Е. Гольдин // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 23–33.
8. Дубровская, О. Н. Сложные речевые события и речевые жанры / О. Н. Дубровская // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 97–102.
9. Долинин, К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия / К. А. Долинин // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 7–13.
10. Седов, К. Ф. О жанровой природе дискурсивного мышления языковой личности / К. Ф. Седов // Жанры речи. – 1999. – № 2. – С. 35–73.
11. Вежбицка, А. Речевые жанры / А. Вежбицка // Жанры речи. – 1997. – № 1. – С. 99–111.
12. Дементьев, В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – М. : Знак, 2010. – 600 с.
13. Громов, Д. В. Уличный театр молодёжной политики : оппозиционные движения / Д. В. Громов // Этнографическое обозрение. – 2008. – № 1. – С. 19–30.